

общества с окружающим миром не может быть полностью сведена лишь к этому истоку, открываясь в более широкой перспективе (в том числе в сфере перспектив). Три соответственные главным гипотезам смысла и ценности умеренные позиции дают основу соответственным типам умеренного диалогизма в аксиологии.

Наконец, аксиология крайней многозначности утверждает, что параллельно значимы два или все три основных предмета ценности, что в конкретике (с учетом того, что каждый человек, общество и явление природы может трактоваться как основной предмет ценности) дает чрезвычайно сложную динамическую сеть предметов ценности. Этой позиции соответствует релятивистский диалогизм, который признает потенциальную равноценность всех событий диалога вне различия их сфер.

Рассмотренный основной реестр предметов ценности (включающий конкретные (материальные) и абстрактные, частные и общие, простые и сложные, актуальные и потенциальные типы, а также кардинальные предметы ценности – собственное существование, общество и мир) дает лучшее основание для понимания ценности, хоть и не отвечает на вопрос о сути этого понятия. Но, по крайней мере, из этого рассмотрения ясно, что то, что ценность – предмет мысли, не дает оснований отождествлять ее с предметом ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мур, Дж. Э. Принципы этики / Дж. Э. Мур ; пер. с англ. Л. В. Коновой. – М. : Прогресс, 1984. – 327 с.
2. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – М. : Академ. проект, 2013. – 460 с.

Поступила в редакцию 30.03.2020

Б. Я. Мигас

ВЛИЯНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ТРУДА НА СОЦИАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

В статье прослеживается эволюция содержания и характера труда в условиях разных технологических укладов благодаря передаче производственных функций работника, включая контрольно-управленческую и логическую, механизмам, приборам, роботам и искусственному интеллекту. На этой основе анализируются и процессы мобильности, места работника в экономических и социально-классовых отношениях постиндустриального общества, некоторые перспективы и риски на этом пути. Особое внимание уделено протеканию данных процессов в Беларуси.

Труд позволил человеку подняться на высшую ступень развития природы и целесообразно преобразовывать ее, действуя сознательно и коллективно с помощью инструментов, технологий, науки и техники. При чем происходит

данный процесс во всевозрастающих объемах, обеспечивая человеку удовлетворение увеличивающихся потребностей и уровня жизни. Поэтому социологическая наука характеризует труд как «необходимое условие жизнедеятельности человека и общества», его «средство существования» и «первую жизненную потребность» [1, с. 314].

Всего в процессе труда на современном производстве выделяется пять основных и вспомогательных функций: 1) *технологическая* (изменение свойств и формы вещества); 2) *транспортная* (перемещение предмета труда и готовой продукции); 3) *энергетическая* (приведение в действие средств труда); 4) *контрольно-управленческая* (управление и контроль за работой технологических, транспортных и энергетических машин); 5) *логическая* (запоминание, отбор, переработка информации).

Масштабное и эффективное преобразование природы стало возможным с формированием единой системы «орудие производства – человек», где человек как носитель исполнительных функций является частью рабочего механизма. До возникновения промышленного производства потребности личности и общества удовлетворялись трудом с применением сначала примитивных, а со временем все более специализированных, но все же ручных орудий труда. А для работника были важны такие качества, как физическая сила, сноровка, глазомер и т.п. Содержательная же сторона труда не требовала специальных или научных знаний. Достаточным было накопление эмпирического опыта, отработки стереотипных ручных приемов и проявления определенного (хотя бы примитивного) художественного вкуса.

Промышленное производство существенно меняет содержание и характер труда работника. Его трудовые функции начинают заменяться, правда, в отдельных функциях в разном объеме, механизмами, приборами и их комплексами. Последние же развиваются на базе научных знаний и технологий, а работник объективно поставлен в условия, при которых его квалификация требует накопления и применения не столько физической силы, сноровки, глазомера и стереотипных навыков, сколько знания научных основ технологий и функционирования техники. Без этих квалификационных качеств работника функционирование производства невозможно: неизбежны масштабные технические и технологические аварии, экономические потери, сдерживание научно-технического прогресса и других сфер общественной жизни.

Живой труд в условиях научно-технической революции все в большей степени и ускоренными темпами вытесняется трудом овеществленным: механизация, в том числе комплексная, уступает место автоматизации, а она, в свою очередь, в повестку дня ставит вопрос о внедрении во все сферы жизнедеятельности общества роботов и искусственного интеллекта. Причем происходит эта замена очень быстро: во второй половине XX в. человечество с индустриальной ступени развития поднимается на ступень развития постиндустриальную. Труд в эту эпоху также качественно меняется. На современном производстве не только технологическая, транспортная и энергетическая, но также контрольно-управленческая и логическая функции все больше

передаются соответствующим техническим устройствам. Живой труд все более овеществляется, причем этот процесс выходит за рамки непосредственного производства и вторгается в иные сферы деятельности: образование, связь, коммуникации, медицину и т.п. Наука, информация и знания становятся в этой ситуации неотъемлемым компонентом большинства профессий и специальностей, что обесценивает многие массовые, популярные и престижные профессии, повышая уровень безработицы, миграции, социальной напряженности в целом.

В сложившихся условиях закономерным является то, что наиболее развитые экономики мира демонстрируют актуализацию ряда социальных проблем, связанных с активным онаучиванием экономики, труда и управления. В том числе с усложнением комплекса социальных отношений меняется и классовая структура общества, поскольку научная и производственная информация становится важнейшим ресурсом производства, а контроль над этим ресурсом и возможность им распоряжаться вносят много нового в социальное структурирование общества. И уже в конце 50-х годов XX в. этому вопросу, хотя и эпизодически, уделялось определенное внимание в рамках анализа статусной стратификации общества, когда стало проявляться заметное снижение хозяйственного и политического влияния буржуазии. Так, Р. Дарендорф «правлящим классом посткапиталистического общества» назвал управленцев промышленными компаниями высшего звена и представителей государственной бюрократии, т.е. тех, кто отдает распоряжения административному персоналу. З. Бжезинский в характеристике технотронного общества отмечал необходимость новой элите контролировать процессы, вытекающие из логики развития технологического процесса. А Дж. К. Гэлбрейт считал, что в нее включаются те, кто привносит специальные знания, опыт и талант в принятие группового решения. В итоге уже в середине 70-х годов господствующим классом называют «технократов», способных манипулировать уникальными знаниями и информацией на национальном уровне (т.е. правительственной бюрократии), отраслевом, представленном профессиональными и научными экспертами, и на уровне отдельных организаций. В тот же период А. Турен показал, что технократия становится доминирующим классом постиндустриального общества и субъектом подавления остальных социальных слоев и групп. Это явление позволило сделать другим исследователям вывод, суть которого в том, что существование социальной группы носителей знаний, с одной стороны, и всех остальных, с другой, может стать причиной новых социальных противоречий, причем очень острых.

Таким образом, новый высший класс концентрирует и воплощает в себе знания и информацию об экономических и производственных процессах, а также о механизмах общественного развития в целом. В этом новом высшем классе научная компетенция, а не земля, золото и капитал, как в прошлые эпохи, определяет их место в обществе.

Директор российского Центра исследований постиндустриального общества В. Л. Иноземцев еще в 2000 г., характеризуя «класс интеллектуалов», писал, что эти люди обладают «неотчуждаемой собственностью на информа-

цию и знания, являются равными партнерами собственников средств производства, не эксплуатируемы как класс; их деятельность мотивирована качественно новым образом» [2, с. 71]. Этот новый класс, производя знания, проповедует нематериалистические ценности, когда большинство «продает свой труд в первую очередь ради получения материального вознаграждения, руководствуясь вполне материалистическими по своей природе стимулами». Он не только владеет невоспроизводимыми (земля) либо созданными трудом другого класса (капитал) средствами производства, но и самостоятельно создает эти средства производства, обеспечивая в собственных пределах процесс формирования и самовозрастания информационных ценностей, в силу чего низший класс становится уже не столь необходимым для обеспечения богатства социальной верхушки [2, с. 72]. Сейчас приход в интеллектуальную и имущественную элиту «обуславливается не столько удачной реализацией своих прав собственности на капитальные активы, сколько эффективным использованием персональных интеллектуальных возможностей и находящихся в личной собственности средств производства для создания новых информационных, производственных или социальных технологий» [Там же]. Следовательно, интеллект (персональные качества, мироощущение, психологические характеристики, способность к обобщению, память и т.д.) – это современная форма существования знания и информации. Этот ресурс персонифицируется в узком кругу людей, социальная роль которых неоспоримо высока в современных условиях и обозримом будущем. В этой ситуации классовый конфликт предопределяется уже не проблемой эксплуатации и распределением собственности, а связан с неравным распределением самих человеческих возможностей. Противостояние становится самым принципиальным из всех в истории человечества.

Кардинальные перемены происходят и ожидаются также в среднем и рабочем классах. Масштабы и характер перемен изложил профессор Ч. С. Кирвель в статье «Траектория глобального мира: от американоцентричной глобализации к «неоглобализации». Он отмечает, что глобальный капитал, лишившись ресурсной базы после распада колониальной системы, чтобы избежать потери прибыли, перешел к внутренним источникам ее извлечения, т.е. «к усилению эксплуатации внутри самого ядра капиталистической системы» [3, с. 241]. Ведь раньше само существование СССР, как альтернативы капитализму, заставило буржуазию развитых стран перераспределять общественный продукт в большой степени в пользу среднего и рабочего класса, формировать и реализовывать соответствующие социальные программы в рамках государства. А после распада Советского Союза, когда капитализм стал глобальным, он вынужден начать «широкомасштабное наступление на завоевания, достигнутые в свое время низшими классами». Его современные глобалистские структуры стремятся «сократить и утилизировать средний класс» [Там же]. Технологический прогресс, автоматизация и роботизация создают из большой массы работников лишних людей: они перестают быть производящим ресурсом и становятся лишними.

Отражением сложившейся ситуации стала современная социологическая теория «20:80», которая характеризует социальную структуру современного западного общества следующими параметрами: «20 % – богатые, 80 % – бедные, и никакого среднего класса – он размывается».

Уже привычной стала ситуация, когда реально общество становится богаче, но в нем лишь восемь богатых людей обладают такой же собственностью, как половина населения планеты, где миллионы теряют работу и социальные гарантии.

В своей статье Ч. С. Кирвель приводит следующие данные. К 2055 г. в мире будет 1,1 млрд человек, лишившихся заработка. Среди промышленных рабочих их будет 64 %; 60 % от занятых грузоперевозками и складским хранением; 54 % от занятых в торговле также лишатся работы; 320 млн человек будут вытеснены из аграрного сектора. В результате интенсивно растет количество безработных, учащихся, бюджетников и т.п., кто в большей или меньшей степени зависит от государственной поддержки. Отмеченные тенденции свидетельствуют об изменении социальной структуры постиндустриального общества, где появляется и постпролетариат (люди без профессии, постоянной работы, не связанные с определенным коллективом, местом жительства и даже семьей из-за деградации последней в ее моральных, юридических и традиционных устоях).

Возникновение новых параметров социальной дифференциации в постиндустриальном обществе уже породило «геттоизацию» бедных и маргинальных слоев общества, а также «анклавизацию» высших элитных слоев, т.е. самоизоляцию от низшего общества и созданной для своего спокойствия системой безопасности [3, с. 243]. Все вместе взятое свидетельствует о том, что в наиболее развитых странах социальная структура все больше размывается, подтверждая, что «в свете компьютеризации и информатизации в качестве еще одного критерия социальной стратификации рассматриваются знания, информация и субкультуры» [1, с. 319].

Отмеченные тенденции развития классовой структуры постиндустриального общества таят в перспективе как огромный потенциал общественного развития, прогресса, благополучия (через рывок в производительности труда, уровне жизни и развитие личности), так и опасность социальных потрясений из-за углубляющихся расслоений общества все по тем же классовым признакам и по новым критериям, возникающим в постиндустриальном обществе: востребованность человеческого капитала в сфере труда и вне его, статус и роль человека в социальной иерархии, развитие его потенциала и самореализации.

Для предотвращения нежелательного хода развития событий элиты, социально-экономическая и политическая системы стран, вступивших на путь постиндустриального развития, должны работать над тем, чтобы гармонизировать интересы классов и иных социальных групп в рамках социально-политических, моральных и юридических норм и традиций. Ведь известны индикаторы угроз национальной безопасности, связанные с уров-

нем и качеством жизни населения, которые могут дестабилизировать ситуацию в стране, особенно когда они действуют в совокупности и в кризисных ситуациях в экономике, политике и духовной жизни общества. Например, дифференциация уровня доходов населения. Критическим является превышение доли 10 % наиболее обеспеченного населения по сравнению с долей 10 % наименее обеспеченного более чем в 5–6 раз. Критическим является и уровень безработицы, превышающий 4 % от экономически активного населения, уровень малообеспеченности населения, превышающий 6 % от его общего числа и других индикаторов, в том числе производных от вышеуказанных: депопуляция населения, продолжительность жизни, миграция, уровень преступности, алкоголизация, наркотизация населения и т.п. [4, с. 299].

Перечисленные проблемы актуальны и для Беларуси, ставшей на путь постиндустриального развития. В стратегии «Наука и технологии 2018–2040», разработанной ко II Съезду ученых Республики Беларусь 2017 г. в повестку дня ставится «вопрос определения долгосрочного концептуального видения развития страны на основе преимущественно интеллектуального фактора... Нужна долгосрочная стратегия формирования и развития белорусской экономики, основанной на интеллекте, – «Беларуси интеллектуальной» [5, с. 3]. Модель включает три ключевых элемента: полноформатное внедрение цифровых технологий, развитый неоиндустриальный комплекс и высокоинтеллектуальное общество [Там же, с. 7]. А доминирующий принцип интеллектуальной экономики Беларуси – «Обгонять, не догоняя» [Там же, с. 9].

Это означает, как отметил Председатель Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь А. Г. Шумилин, «идти на шаг впереди основных конкурентов и где-то перемахнуть через пятый уклад. Именно этот принцип должен доминировать при формировании интеллектуальной экономики Беларуси» [6]. Реализация стратегии поможет нашей стране «войти в состав мировых лидеров по перспективным направлениям научно-технического развития, включая интеллектуальные технологии, умные материалы, машины и их системы для реального сектора и социально-культурной сферы, а также разработки межотраслевого характера, основанного на применении нано-, био-, космических и информационных-технологий. В Беларуси должен опережающими темпами развиваться высокотехнологический сектор» [5, с. 3].

Для реализации намеченной стратегии отводится практически два десятилетия. Опыт таких стран, как Япония, Южная Корея, Сингапур и др. показывает, что они реализовали в свое время подобные программы, когда наряду с экономическими, научно-техническими, организационными и правовыми мерами уделяли должное внимание подготовке и мобилизации интеллектуальной составляющей проектов: личности работника, человеческому капиталу; профессионализму работника, его способности и готовности реализовать намеченное, быстро и адекватно социализироваться в условиях

интенсивно меняющейся социально-экономической среды. На этом пути нашей стране очень важно не упустить время для всесторонней подготовки подрастающего поколения работников завтрашнего дня. При этом, как представляется, не стоит уповать только на оптимистический вариант развития событий, сторонники которого считают, будто нынешнее поколение молодежи будет массово осваивать только новые творческие профессии, востребованные постиндустриальным обществом. Равенства способностей и возможностей пока нет и не предвидится. Да и полная интеллектуализация всех сфер жизни нереальна. Поэтому подготовке специалистов будущего и работников современных перспективных профессий, которые еще будут востребованы, необходимо уделять должное внимание.

Академик Владимир Гусаков, председатель президиума НАН Беларуси, отмечает, что это необходимо и вполне оправдано, поскольку «одно новое рабочее место в IT-секторе стимулирует создание 3–4 рабочих мест в экономике, а рост цифровизации на 10 % снижает уровень безработицы на 0,8 %, например, во Франции за последние 15 лет на 500 тысяч высвобожденных по причине цифровизации рабочих мест созданы 1,2 млн. новых, в смежных отраслях» [7, с. 7]. При этом он подчеркивает, что на современном этапе развития необходимо также преодолеть потребительский подход к природе и обществу. Ведь рыночная система считает неприемлемым снижение прибыли, поскольку часто искусственно навязываемое расширение потребностей поглощает силы, необходимые в нынешних условиях для развития самообразования и творчества людей, поддержание здорового образа жизни, на охрану природной среды. Поэтому «пришло время принять и применять наряду с умным производством такой императив, как умное потребление. Оно должно предусматривать как экологическую рациональность, так и здоровый образ жизни, приоритет духовного над материальным» [8, с. 5].

С учетом объективно сложившихся требований к работнику постиндустриального общества Беларусь выстраивает конкретную политику регулирования социальной мобильности в сфере труда. Минэкономики разработало проект Национальной стратегии устойчивого развития до 2035 года. Министр экономики Республики Беларусь Александр Червяков, отвечая на вопросы корреспондента «СБ. Беларусь сегодня» Владимира Сычевича, отмечал, что роботизация ведет к сокращению потребности в рабочих руках и поэтому сфера услуг видится тем направлением, где приложение высвобождающегося человеческого капитала даст наибольший эффект. Доля занятых в этой сфере должна вырасти с 60 до 72 % от числа всех занятых в сфере экономики. В образовании будем делать акцент на поддержание талантливой молодежи, закрепление ее в стране. Будут также развиваться регионы, самозанятость и комфортная правовая среда для реализации Национальной стратегии устойчивого развития [9, с. 4].

Итак, нам представляется, что образование, воспитание, социализация нового поколения в целом должны опираться на следующие социально-экономические реалии.

1. Трудовая деятельность человека определяет его роль и статус в обществе, отношение к нему и степень равенства/неравенства с другими субъектами

2. Самореализация личности в постиндустриальном обществе происходит в условиях стремительно меняющихся условий труда, его характера, содержания и неустойчивой востребованности профессиональных навыков и квалификации. Следовательно, для адаптации к реальности необходим обновленный человеческий капитал: образование с запасом для готовности сменить не только профессию, но также сферу и род деятельности, стрессоустойчивость и готовность работать в конкурентной среде, гибкое, а не канонизированное и шаблонное мышление, постоянную готовность и способность к самообновлению и самосовершенствованию.

3. Общество, со своей стороны, во избежание дестабилизации в развитии, должно гибко реагировать на существующие перемены, комплексно решая проблемы гармонизации отношений между классами и социальными группами, действуя с упреждением негативных последствий развития и с опережением обеспечивая возможности и условия для всестороннего развития личности работника постиндустриального общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. И. Данилова. – Минск : БелЭн, 2003. – 384 с.
2. *Иноземцев, В. Л.* «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе / В. Л. Иноземцев // СОЦИС. – 2000. – № 6. – С. 67–77.
3. *Кирвель, Ч. С.* Траектория глобального мира: от америкоцентричной глобализации к «неоглобализации» / Ч. С. Кирвель // Новая экономика. – 2018. – №1 (71). – С. 239–248.
4. *Буркова, О. С.* Диагностика угроз национальной безопасности, связанных с уровнем и качеством жизни населения / О. С. Буркова // Новая экономика. – 2019. – № 1 (73). – С. 294–300.
5. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040». – Минск, 2017. – С. 1–38.
6. *Шумилин, А. Г.* Три фактора инноваций / А. Г. Шумилин // Навука. Спецыяльны выпуск к II з'езду вучоных Рэспублікі Беларусь. – 2017. – 11 дек. – С. 3.
7. *Гусаков, В.* Время амбициозных решений / В. Гусаков // СБ. Беларусь сегодня. – 2020. – 23 янв. – С. 6–7.
8. *Гусаков, В.* Время амбициозных решений / В. Гусаков // СБ. Беларусь сегодня. – 2020. – 22 янв. – С. 4–5.
9. *Червяков, А.* Движение с плюсом / А. Червяков // СБ. Беларусь сегодня. – 2020. – 6 февр. – С. 4.

Поступила в редакцию 26.03.2020